

Между небом и волной

Ни воды морской, ни лиха я
Не хлебнул еще пока.
До свиданья, бухта Тихая, —
За окошком облака.

Задрожала стрелка компаса
Там, где нас уже не ждут,
Тридцать первого автобуса
Закругляется маршрут.

Там над морем скалы высятся
И ступенями дома.
Там под утро лечь, не выспаться
Проще, чем сойти с ума

От потерянного образа,
Недописанной строки
И тоски, что душу год назад
Разрывала в лоскутки,

А теперь, тихонько тикая,
Чуть пульсирует в груди.
До свиданья, бухта Тихая, —
До того, что впереди

Нам обещано дорогою,
Возвращающей домой, —
Самой светлой и высокою
Между небом и волной.

Синица

В стране, где пахнет краденым рыжьем
И машут кулаками после драки,
Где пять мужчин, танцующих сиртаки,
И одинокий человек с ружьем

Скульптурной группой около ДК
Застыли в гипсе, крашенном под бронзу,
Стихи внезапно вытесняют прозу.
Вот парадокс родного языка!

Парадоксальна станция Семхоз.
Выходишь из московской электрички —
И сразу слышишь пение синички
Отважное — в отчаянный мороз.
Дорогою на Сергиев Посад
Бредут неспешно в Лавру богомольцы.
И тройка золотые колокольцы
На полтысячелетия назад
Со звоном рассыпает. На пруду
У полыньи — три зябнувшие утки.
Оглянешься всего на полминутки
И не поймешь — в каком теперь году.
И в храм зайдешь. Какая это блажь?
Блажен, кто изгнан горькой правды ради.
Подумаешь о прожитом некстати
И трижды прочитаешь «Отче наш».

А, выйдя, вновь увидишь вдалеке
Постройки современные, а справа —
Культурный центр с названием «Дубрава»
И Галича с гитарою в руке,
Идущего по легкому снежку
Туда, где в прошлом будущее снится.
Пой веселей, отважная синица,
Пока на небе звезды не зажгут.

Элеонора

*...Нигде мне не будет так хорошо,
как в этом неухоженном, но прекрасном месте.
Ибо именно здесь прошла лучшая часть моей жизни.
Элеонора Прей. 1929 год. Владивосток*

Не грусти, что кораблик уплыл
И обратно вернется не скоро.
Не грусти, — не хватает чернил...
И над письмами Элеонора
Проливает слезу, — и слеза
В волны строки ее обращает.
Поднимает корабль паруса
И прощается с ней. И прощает
Ей разлуку — почтовый конверт —
Остающийся дом с мезонином
И тот город, стремящийся вверх,
В облака над Амурским заливом.

Как давно, — Боже мой, как давно
Били склянки на старом корвете, —
И она открывала окно,
И трепал ее волосы ветер.
Жизнь прожить — не перо обмакнуть
В синеву, — не хватает простора...
По волнам отправляется в путь
На кораблике Элеонора.
Не грусти! Запечатая конверт,
Обучайся у чаек отваге
Жить без дома, — как старый корвет
С парусами из тонкой бумаги.

Сретенка

А нужны ли нам посредники,
Что галдят из телевизора,
Чебуречная на Сретенке
В двух шагах от дома Визбора?

Здесь гудит по-настоящему
Говорок Москвы всамделишной —
Той, которую по «ящику»
Не увидишь, но поверишь — ей.

Здесь покуривают, чокаясь,
Академики и дворники,
И глядят через плечо, таясь,
Нашей трезвости поборники.

Времена не календарные
Над кольцом Садовым кружатся —
Волейбольные, гитарные
И голодные — до ужаса.

Эти запахи из прошлого
Как ты сохранила, Сретенка?
Ну, всего тебе хорошего!
Доживем до понедельника.

Да хотя б — до воскресения...
А метель не унимается,
И вослед нам чуть рассеянно
Юрий Визбор улыбается.

Свеча

И спичка серная меня б согреть могла...

О. Э. Мандельштам

За речку Стикс и за Вторую речку —
Умора-городок —
Запеленая копеечную свечку
В коричневый платок,

Не зажигай, прибереги до срока, —
Придет ее черед.
Весна тяжелым ломом у порога
Раскалывает лед.

А ты усни, кусочек воска спрятав
Во внутренний карман.
Случайно оказавшиеся рядом,
Плывущие в туман

В огромной лодке атеист и выкрест,
Священник и поэт
От тесноты и страха за борт выпасть
Цепляются за свет,

Не видя света, словно сельди в бочке.
Но, уходя во тьму,
Ты береги свою свечу в платочке
И ближе будь к тому,

Кто в нужный час поднимется над скверной
И, стоя на краю,
Такой же сбереженной спичкой серной
Зажжет свечу твою.

След

При каждом шаге куриный бог отбивает ритм,
Стучится в грудь, на шнурке болтаясь, твой амулет.
Собачий бог — он намного тише, он там, внутри
Не отвечает на стук снаружи, молчит в ответ.

Вот так однажды весенним утром через порог
Перешагнешь и увидишь радугу в небесах.
С нее тебе улыбнется добрый кошачий бог
С лукавой искрой в чеширских рыжих больших глазах.

И ты помчишься навстречу ветру с горы к реке.
Куриный бог все сильнее будет стучаться в такт.
И бог собачий с лохматым солнцем на поводке
Ему ответит веселым лаем за всех собак.

Все боги — дети. Все дети — боги. За много лет
Мы почему-то забыли это... Но иногда,
Увидев к радуге уходящий знакомый след,
Мы понимаем, что все разлуки — не навсегда.

Ушедшим

Машу рукой друзьям-товарищам.
Листва клубится под ногами.
Смерть раскидает нас по кладбищам,
Но соберет за облаками.

Кому-то двадцать восемь выпало,
Кому отмерено до ста лет.
Нас, как породу, время выбрало,
А золотник все не достанет...

Мы — стая вольная, крылатая —
В дыму над вечным пепелищем
Летим, — и, даже в землю падая,
Глазами лучик солнца ищем —

Тот золотой, с окна чердачного
Скользнувший зайчиком в ладони
Двора осеннего, невзрачного
На полувздохе, полутоне.

Зима его засыплет крошевом,
А слиток превратится в слепок.
Дай Бог не пожалеть о прожитом
И улыбнуться напоследок

Золотнику упрямой озими,
Что ввысь вытягивает всходы
Навстречу солнцу поздней осени
Из нашей выбранной породы.

Фотоснимок

Конец забайкальского лета,
Вторая армейская осень.
Уазик по кличке «Таблетка»
Ржавеет в заброшенном боксе.

В кювете катушка под кабель
Рассохлась, как винная бочка,
В которой росинки — пять капель.
А в небе дождя — ни глоточка.

На хвойных полянах — маслята,
По сопкам краснеет брусника.
Не вычесь из видеоряда
Любительского фотоснимка,

Где в ношенных мы ВСОшках
Идем по разбитой бетонке,
И сосенки в рыжих сапожках
Вальсируют, ломки и тонки.

Ах, как догадаться, что будет,
Когда отсчитает кукушка
Два года стройбатовских будней, —
И старой катушки кадушка

Наполнится влагой до края, —
Такая у неба работа.
И наш костерок, догорая,
Еще обогреет кого-то.

Лодочка

Навстречу ветру полусонному
Плывет, качаясь, наша лодочка,
И впереди обозначается
Скалистый берег островка.
Когда мы жили по-особому,
У нас легка была походочка,
Как у пера, когда случается
Невыразимая строка.

Когда б мы жили только звуками,
Дружили с рыбами летучими, —
Быть может, реже провожали бы
Друг друга в дальние миры.
Но голова полна науками,
Что бесполезны там, за тучами...
Своих задач не дорешали мы
И отложили до поры.

А неотложенные практики
И неотложные теории
Нас обучали ложным правилам
Не открывать ни рта, ни глаз.
Но мы, пройдя снегами Арктики,
Спускались по камням истории.
Нас огранила жизнь, оправила,
Но не отправила в запас.

И вот на лодочке двухвесельной,
Что так смешно зовется яликом,
Плывем все дальше мы, — и просто вам
Наш век с улыбкой вспоминать.
А кто там, на пороге осени
Сигналит солнечным фонариком?
И что там, за скалистым островом? —
Нам предстоит еще узнать.

